

СБОРНИК РАССКАЗОВ

МАЛЕНЬКИЕ, БОЛЬШИЕ, СТРАШНЫЕ

НЕ ВСМАТРИВАЙТЕСЬ В ТЕНИ

ЧИРКОВА ПОЛИНА

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Полина Чиркова

**Маленькие, большие,
страшные. Сборник рассказов**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Чиркова П. О.

Маленькие, большие, страшные. Сборник рассказов /
П. О. Чиркова — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-99844-5

Они шевелятся в тёмных уголках сознания. Реальные и нереальные, большие и маленькие, злые и не очень. Они всегда рядом, можно увидеть краем глаза. Но видим ли мы то, что хотим, или прячемся за собственными иллюзиями? Не всматривайтесь в тени. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-99844-5

© Чиркова П. О., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Море	5
Муха	7
Бункер	9
Зверь снаружи	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Полина Чиркова

Маленькие, большие, страшные. Сборник рассказов

Море

Петров очень хотел на море. Когда он спал, ему снились крики чаек и шум прибоя, когда он ехал унылым серым утром на работу в старом троллейбусе, он представлял, что качается на волнах в лодке. Сидя на своем рабочем месте, он представлял, что его лицо ласкает морское солнце, а на губах оседает соленая капель синих волн.

Петров хотел на море, сколько себя помнил. Но в детстве, даже когда всех его друзей отправляли в детские лагеря, семья денег не могла найти, а лето родители предпочитали проводить в деревне, вкалывая до седьмого пота, высаживая культуры, плоды которых гнили всю зиму в подвале. А когда Петров вырос, у него все не было времени.

Институт, потом работа, появилась жена, дети, ипотека, кредиты... Всё это наваливалось на Петрова, отодвигало его мечту в какие-то дали, и он только мечтал, неистово и жадно, как и пристало всем мечтателям, когда выпадала такая возможность. Обычно пять минут, уже лежа в кровати и закрыв глаза, он представлял, что лежит в номере, в гостинице, на берегу безбрежного, до самого горизонта, моря.

Однажды Петров, по пути на работу, опустил взгляд и посмотрел на свои руки. И они неожиданно его поразили – старые, скрюченные артритом пальцы, потрескавшаяся от мороза кожа, и Петров удивленно нахмурился, вспоминая, сколько ему лет. Ведь эти руки не могли принадлежать ему, верно? Он сглотнул ставшую горькой слюну и посмотрел в окно. Серая, унылая осень окрашивала все в бледные цвета. Он медленно осознал, что жизнь проструилась мимо него, словно песок сквозь пальцы. И вроде все как у людей было – учеба, работа, жена, дети... А сейчас у него было стойкое ощущение неправильности происходящего. Петров глубоко вздохнул и почувствовал странную, волнообразную боль в груди.

Нельзя сказать, что он не любил то, чем жил. Но кроме работы и редких поездок за город ничего интересного вспомнить не мог. Жену постоянно отправлял на отдых, а сам... Петров почувствовал, как во рту разливается горечь осознания. Для себя он в своей жизни так и не успел ничего сделать – все в семью и все для семьи, и только для них. Разве это дело? Петров закрыл глаза и откинулся на сиденье, прикладывая ладонь к худой груди, пытаясь вспомнить хоть что-нибудь эдакое – интересное, увлекательное и волнительное, но ничего на ум не приходило. Даже знакомство с будущей женой представлялось ему таким же серым и унылым, как и окружающая его действительность.

Мысли перекатывались в его голове, словно бильярдные шары. Каждую пятницу он ходил в гараж к Николаю Птышечкину – старому другу, еще школьному. А ведь у Кольки уже и голова вся седая. Неужели и у него тоже? Как же быстро проходит время...

Мысли Петрова медленно перетекли к его мечте, которую он трепетно хранил и лелеял все эти годы. Море предстало перед его мысленным взором – широкое, спокойное, солнечные лучи скользили по его глади. И Петров в самом деле ощутил солоноватый привкус на языке – невзирая на то, что дочь объясняла ему, что море совсем не соленое, но в мечте Петрова оно было именно такое. И песок белый-белый, для яркого контраста с безбрежной синевой перед ним, и очень теплый, но не обжигающий ступни, чтобы пальцами можно было зарыться.

А сзади пальмы и молодая, красивая девушка, которая ему обязательно улыбнется, и у нее не будет серого и недовольно расплывшегося лица.

Петров улыбнулся себе под нос, прячась в своей мечте, словно улитка в раковину – от боли в груди, от окружающего его безразличия, от всех мелких и больших проблем. Ведь должно быть у него место, где он может отдохнуть, верно?

Троллейбус встал, скрипнув дряхлым телом, и двери открылись, выпуская спешащих людей в промозглую осень из своего теплого нутра. Кондуктор раздраженно посмотрела на единственного мужчину, который, видимо, слишком крепко уснул, и потрясла его за плечо.

– Мужчина, конечная!

Голова Петрова бессильно откинулась назад, открывая женщине бледное лицо и посиневшие губы, сложенные в мечтательную улыбку, и она испуганно шарахнулась назад.

Петров был мертв.

Муха

Женщина была высокой и раньше наверняка очень красивой. Сейчас она выглядела чрезвычайно изможденной, но сидела на стуле с идеально прямой спиной, горделиво держа подбородок. Это выдавало в ней безусловно благородную породу.

– Миссис Кригон, может быть, немного чаю? – предложил женщине мужчина, сидящий напротив нее за столом.

Комната не была большой, но очень светлой, в ней было два стула и стол, за которым они и сидели. Вся мебель была надежно прикручена к полу.

Полноватого седовласого мужчину, меняющего уже пятый десяток, звали мистер Далтон. Дождавшись согласного кивка, он налил в изящную чашечку чай из заварника, стоящего так же на столе.

– Как ваше самочувствие?

– О, спасибо, Эрик. Просто замечательно. – Женщина благосклонно улыбнулась мужчине, изящно взяв чашку и делая несколько маленьких глотков. – Спала тоже хорошо, правда, мне опять делали эти ужасные утренние уколы!

– Миссис Кригон, вы же понимаете, что это необходимая мера, иначе у вас опять будет болеть голова.

– Понимаю, но это не отменяет того, что они ужасны. – Женщина фыркнула, делая снова глоток. Далтон не обманывался этой беседой. Он уже давно работал с ней и знал все ее тайные ходы. Сейчас она во многом напоминала ребенка, и до сих пор он так и не смог добиться подробностей той ночи, после которой она стала постоянной жительницей психиатрической лечебницы имени Фридриха Пасселя.

Миссис Кригон действительно была дамой благородных кровей – наследница нефтяного магната, она привыкла вращаться в высших кругах, соответственно, и манеры у нее были под стать. Пока женщина наслаждалась чаем, Далтон просматривал свои записи в блокноте, собираясь с мыслями и выстраивая линию разговора. Безусловно, ее вина была доказана, и дело давно уже было закрыто, но он хотел знать правду.

– Знаете, мистер Далтон, а ведь всему виной была обычная муха. – Женщина неожиданно заговорила, ставя чашку на стол и откидываясь на спинку стула. Взгляд ее остекленел, и смотрела она куда-то сквозь мужчину. – Если бы не она, возможно, я бы сейчас с вами не беседовала. Ох, знаю, знаю, вы часто задаете одни и те же вопросы, я их уже наизусть выучила. Вы мой старый знакомый, так что, думаю, что могу вам все рассказать. – Она улыбнулась, а Далтон только кивнул, боясь спугнуть словом чужое откровение. Долгих десять лет он ждал этого момента!

Не дожидаясь просьбы, он налил еще чаю, и женщина заговорила, все так же смотря в пространство.

Кригон была не только наследницей нефтяной империи, но и женой так называемого «короля бензоколонок» – Чарльза Кригона. Внешне их брак был в идеальном состоянии, но стоило только заглянуть под наброшенную вуаль благополучия, так становилось понятно, что Чарльз и Эдна несчастливы вместе.

По мнению самой Кригон, их союз был уподоблен старой, незаживающей ране, которую то и дело бередили семейные ссоры и скандалы. Эдна была воспитана в старых традициях и требовала от мужа соответствовать старым семейным устоям. Чарльз же относился к Эдне как ко временной проблеме и не собирался менять свой образ жизни. Он женился на Эдне только по одной причине – деньги, и этого от нее не скрывал.

Еще большим разочарованием для Эдны было еще и то, что она никак не могла забеременеть от Чарльза. Она мечтала о ребенке и считала это способом отдалиться от мужа с помощью заботы о маленьком человеке. Еще больше сил поглощало то, что им приходилось играть благополучную семейную пару на приемах, на которых они вынуждены были присутствовать.

Нервы Эдны были напряжены. Особенно когда она узнала о новой любовнице ее мужа – молоденькой секретарше из регионального офиса, и Чарльз уделял ей даже слишком много внимания. Но женщина терпела, скрипя зубами и привыкая к ежевечернему бокалу вина. А то и двум. Иногда даже можно было и три.

В тот день она решила прогуляться и переодевалась в своей спальне. Спальня Чарльза была соседней – даже была общая дверь, но она старалась туда без нужды не заходить. Утопая по щиколотки в мягком ковре, она подбирала платье, поглядывая в окно – тихий, теплый вечер. Ее внимание привлекла муха, которая настойчиво билась о стекло возле шкафа, и она презрительно наморщила носик – насекомые ее пугали. Взяв с кровати журнал, она решила разобраться с этой проблемой. Тем более это настойчивое жужжание!

Она как раз была за шкафом, когда дверь из спальни Чарльза приоткрылась, и она услышала его голос:

– Да, ее нет. Не беспокойся об этом. Что? Нет, она не такая идиотка, но ты не волнуйся. Она вложила свои активы в мой бизнес, так что они останутся у меня. А это несколько миллионов, чтобы ты знала! – Чарльз рассмеялся, а Эдна почувствовала, как в животе скручивается ледяной комок. Она прижалась к боковине шкафа, напряженно вслушиваясь – Чарльз не закрыл дверь и продолжил разговаривать по телефону.

– Конечно, это будет несчастный случай. Я нанял человека для этого, так что не будем об этом говорить по телефону. Ага, разведусь путем ее ухода в землю!

Чарльз снова рассмеялся и ушел, видимо в гостиную, но это было последнее, что волновало ее в настоящий момент. Собственный муж хочет убить ее! Эдна не была мягкосердечной – как наследница отца, она училась вести себя в среде бизнеса, соответственно, но убить кого-то... Она облизнула губы и глубоко вздохнула, стараясь унять бешеное биение собственного сердца, и с горечью подумала о том, что Чарльз намного хуже, чем она думала.

Она даже никому рассказать не может – кто ей поверит? У нее даже доказательств нет! Женщина напряженно думала, когда настырное насекомое снова начало стучаться в стекло. Она со злостью скрутила журнал и прихлопнула муху. Нужно сработать на опережение!

Наверное, это было переломным моментом для ее психики.

– Ну а дальше вы все прекрасно знаете сами. – Далтон внимательно наблюдал за женщиной перед собой. Очень спокойная, но блуждающий взгляд и улыбка говорили о том, что она все равно находится в каком-то своем мире. – Я сработала на опережение. Убила Чарльза раньше, чем он убил меня. Так как при жизни он никогда не был хорошим мужем, я решила научить его манерам после его смерти.

Далтон кивнул, вспоминая кричащие заголовки газет – Эдна жила с мужем еще две недели. Тщательно пряча труп от слуг и говоря, что муж заболел, но в итоге его нашла служанка. Скандал был грандиозный, но Эдна просто улыбалась и просила окружающих позвать к ней ее мужа. Им обязательно нужно поговорить о его поведении!

Женщина немного помолчала. После чего вздрогнула и мигнула:

– О, мистер Далтон, вы решили сегодня навестить меня? Вы делаете потрясающий чай. Не сделаете его для меня?

– Разумеется, миссис Кригон, разумеется. – Далтон выключил диктофон.

Бункер

Будильник прозвенел, когда часовая и минутная стрелки встретились на шести часах утра. Джон разлепил глаза и зевнул, лениво перевернувшись на бок и ожидая, когда с него слетят остатки сна, попутно нащупывая и выключая будильник.

Утро началось по заведенному порядку – зарядка, почистить зубы. Приготовить себе завтрак. Проверить запасы, зафиксировать все это в журнале.

С того момента, как Джон спустился в бункер, прошло уже почти пять лет. Если быть точным – четыре года четыре месяца и тринадцать дней. Он отмечал все даты в календаре, чтобы не терять чувства времени.

Джон был из тех, кого в прошлом мире называли «выживальщиком». Все эти горячие новости, конфликты между государствами – все это говорило о том, что вскоре случится неизбежное. И оно случилось. Джону было жаль своих друзей и жену, которые не успели спуститься в бункер, но он уже ничего не мог поделать. Как только он увидел предупреждение о ракетной атаке со стороны враждебного государства, он даже не предупредил Мери – собрал необходимые вещи и прыгнул в свой пикап. Он благоразумно не стал размещать бункер где-то поблизости от дома, но сделал это так, чтобы успеть добраться до него за пятнадцать минут.

А уж Джон знал толк в этом. Он никому не говорил о бункере – только пару раз обмолвился жене, но та не приняла его слова всерьез. Только посмеялась.

Вот дура!

Теперь гниет там с остальными, а он тут – живой и здоровый.

Джон самодовольно усмехнулся себе под нос. О, нет, его нельзя было назвать жестоким человеком. Просто он смотрел на вещи трезво. Мери никогда не относилась к факторам угрозы войны серьезно – все говорила о том, что этого никогда не случится. Во всяком случае, на ее веку. Легкомысленная курица!

Его друзья, хотя он относился к ним просто как к хорошим знакомым, тоже выеденного яйца не стоили. Лишь бы гульнуть после работы, сходить на пикник или барбекю, а вот об угрозах – никогда не думали.

Но иногда Джону жены очень не хватало. Сегодня дел было не так много – он проверил теплицу. Убедился, что все исправно работает, и у него было немного свободного времени. Почему бы и не вспомнить о тех, кто когда-то был ему близок?

Мери, Мери...

Джон работал региональным менеджером в компании по производству и продаже насосного оборудования. И там же познакомился с будущей супругой. Он всегда был рационален, поэтому, оценив достоинства и возможность девушки родить ему здоровых наследников, он сразу сделал предложение и со свадьбой оттягивать не стал.

О том, что война будет, он знал всегда. Но решил, что подстраховка в виде семьи ему не помешает, и запасы делал из расчета, чтобы можно было прокормить как минимум четырех человек. Конечно, потом возникнут проблемы с восстановлением человеческого рода, но он поддерживал связь с несколькими другими людьми, которые тоже были в курсе политических проблем, так что доподлинно знал, что будут и другие выжившие.

Джон уселся перед телевизором и включил какой-то легкий, ненавязчивый фильм, погружаясь в свои мысли все глубже. Он слабо знал тему по радиации – конечно, читал кое-что и знал, сколько примерно времени понадобится, чтобы наверху стало безопасно. Счетчик Гейгера у него был, но на такой глубине он показывал стандартные значения.

Мужчина умиротворенно вздохнул, прикрывая глаза и проваливаясь в сладкую дрему, из которой его резко вырвал дикий скрежет откуда-то сверху. Он подскочил, в изумлении смотря на потолок и открыв рот. Скрежет повторился, теперь уже намного громче, словно гигантский

зверь царапал когтями крышу его бункера. Но это было невозможно! Бункер находился на глубине десяти метров, специально, чтобы никто не смог добраться до него!

Джон старался не паниковать, но скрежет снова повторился – медленный и сводящий его с ума. Но Джон был готов к такому повороту событий. Это был крайний вариант, но он знал, что в случае чего ему придется применить это.

Скрежет утих, как выяснилось, до следующего дня, и у мужчины было время обдумать все это. Кто бы это ни был – там, наверху, он вскроет бункер как консервную банку, вопрос был только в том, сколько времени ему на это понадобится. Когда скрежет снова появился, Джон уже сидел в своем любимом кресле, смотрел любимый фильм про двух чудаков и пил крепкий, сладкий кофе.

На его коленях лежал заряженный пистолет.

– Макс, стоп! Что за чертовщина! – бригадир выругался, спрыгивая в яму и стукнув каблуками сапог по металлической поверхности. Парк Гроуз Хиллс был перемещен на новое место, а это – старое – планировалось застроить новым жилым комплексом. Бригада Сэма была первой. Они же и начали производить первые работы, например – рыть котлован для первого здания. И вот в самый разгар работы экскаваторщик пожаловался на то, что у него появилось препятствие в виде какой-то металлической поверхности.

– Что там, босс?

– Какая-то хрень. – Сэм сплюнул и зло топнул. – Тут ведь не должно быть других построек, мать твою! Какого хрена!

– И что будем делать? – Экскаваторщик закурил, ожидая решения Сэма.

– Согласую с руководством, но, скорее всего, взрывать будем. Может, какую цистерну в незапамятные времена тут прикопали.

Сэм свое начальство знал великолепно, так что знал, чего именно от них следовало ожидать.

– Так что готовьтесь. Надеюсь, что разберемся с этим поскорее.

Он снова сплюнул.

Зверь снаружи

Михаилу нравилось работать в лесничестве. Он любил одиночество, любил природу и свежий запах леса. С людьми он виделся раз в год – когда приезжала проверка, да привозили дефицитные продукты. Отчитывался он по спутниковой связи – дерьмовая и с плохой слышимостью, но в большем он и не нуждался.

Зима в этом году пришла рано и очень снежная. Пока за окном свирепствовала вьюга, он грелся у камина и читал книги, которые ему привозили в изобилии. А еще, чтобы не страдать совсем от недостатка общения, он вел дневник наблюдений – зимой дел не так уж и много, надо же себя как-то развлекать, телевизора нет.

Это началось после Нового года – в середине января, когда зима перестала сжимать белыми ледяными клыками замерший во сне лес.

Следы. Миша нашел возле сарая с козами следы. Крупные, похожие на волчьи – четыре четко отпечатавшихся пальца, но они были огромные. Нереально огромные, волки такими крупными не вырастают. Михаил нервно сглотнул, припоминая, когда в последний раз чистил ружье, и, проверив живность и убедившись, что козы живы и меланхолично жуют сено, поспешил заняться чисткой и приведением в порядок оружия, после чего снова вернулся и пристально рассмотрел след, пока его не запорошил снег.

Он надеялся, что это след медведя, и в потемках он просто перепутал, но только лишний раз убедился в том, что глаза его не обманули – он не знал этого следа. Миша испугался.

Впервые в жизни его нутро начал заполнять липкий, мерзкий страх и начал растекаться по жилам гадостным предчувствием беды. Лесник засыпал след снегом и решил, что будет лучше на время забыть об этом. Но ружье теперь держал в непосредственной близости.

Прошла неделя, ничего не происходило, и Михаила начало отпускать липкое и неприятное чувство, но, как оказалось, совершенно зря.

Утро радовало солнечным светом, и лесник встал с великолепным настроением – не спеша позавтракал, почитал немного и отправился кормить свою живность. Как только он открыл дверь, он замер, смотря на сарай – выломанная дверь сарая покачивалась на одной петле, и прямо у крыльца лежала демонстративно выпотрошенная козья туша. Михаил сглотнул и попятился обратно в дом, хотя, судя по всему, перед невиданным зверем ни одна дверь не устоит.

Он загасил в своей душе ростки паники и шагнул обратно в дом, захлопывая дверь и поворачиваясь всем телом к столу, на котором лежал телефон.

Собраться. Выдохнуть.

Связь, как обычно, была дерьмовой, но он смог добиться от диспетчера, что вертолет смогут выслать только через месяц. И пусть он там держится. Больше ничем они не смогут помочь. Месяц!

Если зверь нападет, он не продержится и пары часов!

Перекушенная пополам одним куском козья туша прозрачно на это намекала.

Через пять дней зверь снова заявил о себе. Ночью, когда выла вьюга, раздался дикий, полный ярости и беспочвенной злобы вой. Миша проснулся, подсакивая на кровати и хватаясь за ружье. Вой длился, пока не стихла вьюга, и лесник не спал, расширенными глазами смотря в маленькое темное окно.

Страх пробрался в сердце и сжимал его ледяными тисками.

Утром он вышел и сразу наткнулся на следы. Много следов – все вокруг дома было вытоптано, валялось несколько трупов, наполовину сожранных животных, и Михаил подумал о том – той частью мозга, которая не была поражена страхом, – что зверь садист и издевается намеренно. Запугивает.

Демонстрирует силу.

Но был главный вопрос – зачем? Михаил поднял взгляд в сторону леса – темного частокола деревьев. Ледяная, белая тишина окутывала его, неловкими пальцами робко царапала гладко выбритые щеки лесника. Он медленно обвел глазами плотный строй деревьев и нахмурился, когда ему почудилось среди темных стволов движение.

Посмотрел еще раз и убедился, что ему это только показалось.

Мише оставалось только убрать бардак, который причинил невиданный зверь, и обойти участок, успокаивая себя глубоким дыханием и попытками вернуть себе утраченное душевное равновесие. Ружье висело на плече и как-то придавало ему хоть немного, но уверенности.

Вокруг царило белое безмолвие.

Зверь активизировался через два дня. Снова вой в ночи и шаги под маленьким оконцем. Михаил уже привык к страху внутри него и просто ждал. Была мысль убежать, но она была такой смешной, что он действительно рассмеялся, невзирая на вой за окном.

Смеялся он громко, сбрасывая груз нервов с души, хотя это и слабо поможет, как он поймет впоследствии, но смеялся он громко и немного истерично.

Убежать... куда? Вокруг лес, много километров девственного, чистого леса, нет дорог, коммуникаций, и с такими сугробами проще на вертолете, конечно.

Смех человека прервал громкий удар в стену дома. Дом был сложен хорошо – крепкий сруб, отличная крыша, и такой удар ему был нипочем.

Михаил резко сел на кровати, хватая ружье, которое было прислонено к изголовью кровати, и настороженно прислушиваясь. Рык зверя пробрал дрожью вдоль позвоночника, и зверь начал обходить дома снова, и снова последовал удар.

Мишу осенило – он пробовал! Искал слабое место! Но почему в сарае сразу выломал дверь? Сарай был проще устроен? А тут дверь тоже добротная, тяжелая, и если бы не ручка, то и от стены не отличишь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.